

Вячеслав Иванович Иванов

Свет вечерний

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В99

Вячеслав Иванович Иванов
В99 Свет вечерний / Вячеслав Иванович Иванов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 92 с.

ISBN 978-5-4241-2270-5

Вячеслав Иванович Иванов (1866-1949) - яркий представитель символизма начала XX века. Он автор не только оригинальных стихотворений и поэм, но и переводов. Его поэзия имеет до сих пор не только исторический, но и художественный интерес.

ISBN 978-5-4241-2270-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Вячеслав Иванов
СВЕТ ВЕЧЕРНИЙ

I

ПОЭЗИЯ

Весенние ветви души,
Побеги от древнего древа,
О чем зашептались в тиши?
Не снова ль извечная Ева,
Нагая, встает из ребра
Дремотного первенца мира,
Невинное чадо эфира,
Моя золотая сестра?
Выходит и плещет в ладони,
Дивясь многозвездной красе,
Впивая вселенских гармоний
Все звуки, отзвучия все;
Лепечет, резвясь, гесперидам:
«Кидайте мне мяч золотой»,
И кличет морским нереидам:
«Плещитесь лазурью со мной».

ОСТРОВА

«Нас в гости плыть к богам зовет Заря
За синие, широкие моря,
Но прочные нас держат якоря.
Мы, вольные когда-то корабли,
Как паруса созвездий тех вдали,
Вкоренены недвижно в глубь Земли.
И влажную мы помним пелену,
Что в ласковом лелеет нас плену,
Как тонкую воздушную волну.
Отяжелел небесный океан,
Где, изнутри когда-то просиян,
Плыл сонмом звезд наш самоцветный стан...»
Так пленные тоскуют Острова...
Вы ту же быль запомнили, Слова,
Под игом дней живые божества,
Сошедшие на грудь Земли сырой
С небес, где встарь вы тешились игрой
Живых лучей, как звезд крылатый рой.

МЕМНОН

В сердце, помнить и любить усталом,
Мать Изида, как я сберегу

Встречи все с тобой под покрывалом,
Все в цветах росинки на лугу?
Все ко мне склонявшиеся лики
Нежных душ, улыбчивых теней,
В розовом и белом повилики
На стеблях моих зыбучих дней?
Или всё, что пело сердцу: «Помни», —
Отымает чуждый небосклон
У тебя, родной каменоломни
Изваянный выходец, Мемнон?
И когда заря твой глыбный холод
Растворит в певучие мольбы,
Ты не вспомнишь, как, подымля молот,
Гимном Солнце славили рабы?
Иль должно, что пало в недра духа,
Вдовствовать в хранительной тиши
Как те звоны, что всплывают глухо
Из летейских омутов души? —
Чтоб тоской по музыке забытой
Возле рек иного бытия
По любимой, в чых-то чарах пленной,
Вечно болен был — и волен я.

ТУЧА

Всё может обручить
С эфирным строем Лира
И светом лики мира,
Как ризой, облачить.
 Почто же сизой тучей
 Плыву я, тень влача,
 Над радугой зыбучей
 Беспечного ключа?
В горниле воспаленном
Расплавится ль слеза —
Лобзает дол гроза
Наитьем исступленным.
 Дай ливню не сразить,
 Господь, лилеи хрупкой,
 Дракону просквозить
 Лазурью и голубкой.

ДРЕМА ОРФЕЯ

Я мелос медленно пою,
И звезды вечной яви тают...
Улыбки сонные летают —
И розы юные вплетают

В кифару томную мою.
Смолкают струны золотые
Под розами. Сверкают спицы
Авророю зажженной колесницы —
Из трепетов литые
Беззвучного огня.
Слепительное марево... Звения,
Ожившая разбудит лира гимны,
Когда поникнет в пурпур дымный
Виденье дня.

ЭЛЕВСИНСКАЯ ВЕСНА

Ночь! В твоей амброзийной волне
Отдаюсь я глубокой Весне;
Но грустны, как забытые сны,
Мне явленные лики Весны,
Отлучающей светами дня
От сосцов твоих темных меня,
Чуть к дымящимся персям твоим
Я приник и поник в этот дым —
Благовонный ливана крохой
На жаровне истаять глухой,
Где душа с божествами в огне
Сочетается тайной Весне.

ПЕВЕЦ В ЛАБИРИНТЕ

Юргису Балтрушайтису

Певец

Если солнце в Лабиринте
Небу жаль похоронить,
Боги солнечные, киньте
Мне спасительную нить!
Сопровождение флейты
Вы вотще ли, музы, пели;
«В ночь пещер, в земные щели
Луч ты должен уронить?»
Я в могильном Лабиринте.
Иль из уст мне душу выньте,
Или киньте, боги, нить.

Эхо сводов

Над младенцем в колыбели
Парки пряли, музы пели;
Уронили в колыбель
Парки — золото кудели,
Музы — сладкую свирель.
Если небо колыбели

Мог ты в сердце сохранить —
Из божественной кудели
Своей водительную нить.
Если солнце в ствол свирели
Мог ты гимном полонить —
Ей верна, к родимой цели
Поведет, потянет нить.
Вы же, в темном Лабиринте
Обитающие боги,
Стережущие пороги,
Солнце алчные пленить,
Умолений не отриньте;
Дал певец, чего хотели
Души тьмы, Вам — луч свирели,
Гостью — солнечная нить.

Ариадна

(пробуждаясь в лунном луче)

Что звучало так напевно,
Что молило так узывно,
Что забилося вновь прерывно,
Что опять встомилось жадно
Сердце в персях дивно-сонных,
Успокоенных усладно?
Где я? В недрах темнолонных
Подземельная царевна,
Ариадна?.. Ариадна.
— Он ушел, а ты — забылась
(Ах, забвенье лишь отрадно!),
Руку положив на темя:
Пурпуром лазурь затмилась,
Остров поплыл, стало время...
Вот, я дома пробудилась...
Милый, вновь ты, вновь мне ведом!
Лев, ревнующий к победам
Солнца, — бог, весенний дождь
Иль Орфей, певучий вождь, —
Ты — один, как я едина,
Солнцева невеста сына.
Дочь Миноса, на покой
Я усталого склоняю,
Темя тонкою рукой,
Чаровница, осеняю.
Сонный мой разымчив хмель;
Я, как мать, приникну к сыну
И из груди тихо выну
Колыбельную кудель.
Озарятся своды ярко,

Буду солнце прясть, как Парка,
Выпряду златую нить.
Лишь взыграет на свирели
Милый странник, вспыхнет нить.
Он спасен... и вновь, у цели,
Должен в солнечном пределе
Деве ночи — изменить.

ЛИРА И ОСЬ

Валерию Брюсову

1

Слепец, в тебя я верую,
О, солнечная Лира,
Чей рокот глубь эфира,
Под пенье аонид,
Колеблет правой мерою
И мир мятежный строит,
Меж тем как море воет
И меч о меч звенит.
Ты скована из золота,
И падают, как пчелы,
Журчащие Пактолы
На жаркие рога...
Удары слышу молота
По наковальне Рока;
Но славят свет с востока
Верховные снега,
За осью ось ломается
У поворотной меты;
Не буйные ль кометы
Ристают средь полей?..
А где-то разывается
Застава золотая
И кличет в небе стая
Родимых лебедей,

2

Есть Зевс над твердью — и в Эребе.
Отвес греха в пучину брось,—
От Бога в сердце к Богу в небе
Струной протянутая Ось
Поет «да будет» Отчей воле
В крошечной тьме и в небеси:
На Отчем стебле — колос в поле,
И солнца — на Его оси.
О, дай мне плыть, святая Лира,

7

Средь мусикийского эфира
Одною из согласных лун.
Лишь на мгновение, беззаконный,
Слепой кометы бег уклонный
Касается вселенских струн.
Ристатель! Коль у нижней меты
Квадриги звучной дрогнет ось,
Твори спасения обеты,
Бразды руби и путы сбрось.
И у Пелопса ли возницы,
У Ономая ли проси
Для новых игрищ колесницы
На адамантовой оси.
О Ты, Кто в солнца нас поставил!
Коль сын Твой прямо к полдню правил
Пылающую четверню,
Вдали блужданий Фэтона
Дай в розах млеющего лона
Истять медленному дню.

II

КАМЕННЫЙ ДУБ

Хмурый молчальник, опять бормочу втихомолку
стихами:
Хочет и каменный дуб майской листвой
прозвенеть.
Дремлет в чеканной броне под бореями бурными
зиму;
Зеленью свежей весна в пологах темных сквозит.
Черную ветвь разгляди: под металлом скорченных
листьев
Ржавой смеется тюрьме нежный и детский побег.

ЕВКСИН

Ласточки вьют свой уют под окошком;
Зяблик слетает к рассыпанным крошкам
В трапезной нашей. За дверью горят
В садике розы: давно ль еще, вешний,
Весь он белел алычой и черешней?
Лишь кипарисы все тот же обряд,
Смуглые, мерно склоняясь, творят.
Что там, в оправе лиловых гликиний,
Гладью сверкает алмазисто-синей?
Смотрит Евксин сквозь ресницы чинар,
Пестун лазурный Медеиных чар.
Я под крайнюю сяду чинару —
Сонной мечтой убегающий парус
В миф провожать, в розовеющий пар.

СВЕТЛЯЧОК

Душно в комнате; не спится;
Думы праздно бьют тревогу.
Сонной влагой окропиться
Вежды жаркие не могут.
Сумраком не усыпленный,
Взор вперяется во мглу.
Что забрезжило в углу
Зорькой трепетно-зеленой?
Дух-волшебник ночи южной,
Светлячок к окну прильнул,
Словно в дом из тьмы наружной
Гость с лампадой заглянул;

Словно спутник снов бесплотный,
Миг свиданья упреждая,
Подав знак душе дремотной
Упорхнуть в дубравы рая.

ЗИМНЯЯ БУРЯ

Гнет и ломит ноша снега
Кипарисы нежные,
И корчует вал с разбега
Грабы побережные.
Все смешилось в тусклой хляби —
Твердь и зыби выюжные.
Кто вас губит, кто вас грабит,
Вертограды южные?
И сквозь лязги волн и визги
Племени Эолова
Зевс гремит и плещет брызги
Плавленного олова.
Смертью ль мутные зеницы
Водит над пучинами
Ветхий Кронос, бледнолицый,
Треплющий сединами?

ДЕЛЬФИНЫ

В снастях и реях засвистел ветер, пахнувший снегом и цветами; он с силой вылетал на свободу из тесного ущелья... Из-под самого пароходного носа стали выпрыгивать проворные водяные жители — дельфины; крутым побегом они выскальзывали на воздух, опустив хвост, описывали дугу и вновь погружались без всплеска.

А. Н. Толстой, «Письма с пути»

Ветер, пахнувший снегом и цветами,
Налетел, засвистел в снастях и реях,
Вырываясь из узкого ущелья
На раздолье лазоревой равнины.
Как Тритон, протрубил он клич веселья,
Вздых весенний кавказского Борея,
Вам, курносые, скользкие дельфины,
Плясуны с крутогорбыми хребтами.
На гостины скликал вас, на веснины,
Стеклоокого табуны Неряя,
С силой рвущийся в устье из ущелья
Ветер, пахнувший снегом и цветами.